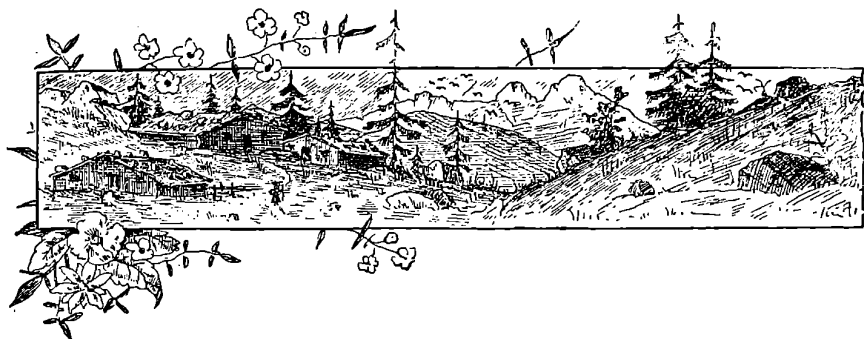




Домикъ въ лѣсу.



Вѣточка Долина только-что встала послѣ тяжкой болѣзни, и хотя, по словамъ лѣчившихъ ее докторовъ, была уже внѣ всякой опасности, но тѣмъ не менѣе чувствовала еще такую слабость, что положительно не могла ходить; вслѣдствіе чего ее по нѣскольку разъ въ день катали въ креслѣ, какъ разслабленную старушку; кромѣ того она почти ничего не кушала,—все ей казалось невкуснымъ, противнымъ, гадкимъ.

Анна Львовна, — такъ звали мать дѣвочки, — очень этимъ тревожилась, въ особенности когда доктора однажды объявили, что окончательное выздоровленіе должно послѣдовать только въ такомъ случаѣ, если появится аппетитъ—а его-то какъ разъ и не было!

— Что тутъ дѣлать? Какъ быть!—съ отчаяніемъ повторяла несчастная мать, и, послѣ долгихъ размышленій, въ концѣ-концовъ порѣшила безотлагательно вести Вѣрочку въ деревню, надѣясь, что свѣжій воздухъ и новая обстановка навѣрное принесутъ желаемую пользу.

Вѣрочка была единственною дочерью Анны Львовны: она въ ней, какъ говорится, души не чаяла, въ особенности съ той поры, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ лишилась сначала старшей дѣвочки, Наташи, умершей скоропостижно въ имѣніи бабушки, пока она сама съ больнымъ мужемъ жила за границей, а потомъ и мужа, который, по слабости здоровья, не могъ перенести подобнаго удара.

Легко себѣ представить ужасъ и отчаяніе Анны Львовны: бѣдная женщина не могла опомниться отъ одного горя, а тутъ вдругъ на голову надвинулась новая гроза!

— Да, да, въ деревню! Скорѣе въ деревню...—повторяла она, уцѣпившись за эту мысль, какъ утопающій за соломенку, и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, при первой возможности, привела задуманный планъ въ исполненіе.

Вѣрочка очень пассивно отнеслась къ извѣстію о предстоящей поѣздкѣ, какъ вообще относилась ко всему... Ее ничто не радовало, ничто не огорчало... Словомъ,

бѣдняжка находилась въ такомъ тяжеломъ состояніи, что трудно передать.

Переѣздъ совершился благополучно; бѣольшую часть дороги приходилось дѣлать въ вагонѣ, остальную на лошадахъ. Вѣрочка почти все время оставалась въ какомъ-то забытіи.

— Посмотри какіе прекрасные цвѣты,—обратилась къ ней Анна Львовна, ласково взявъ ее за руку и указывая на широкую поляну, которая дѣйствительно почти сплошь была покрыта самыми разнообразными цвѣтами, всевозможныхъ видовъ и оттѣнковъ.

Вѣрочка лѣниво вскинула глазами, едва повернула голову и постаралась улыбнуться; но, Боже мой, чтѣ это за ужасная вышла улыбка!.. Она скорѣе напоминала гримасу или судорогу. Глядя на нее, сердце несчастной матери обливалоcь кровью.

Въ продолженіе первыхъ двухъ недѣль послѣ переѣзда въ деревню, Вѣрочка однако нѣсколько оправилась; чистый благотворный воздухъ не могъ не оказать своего вліянія; маленькая больная окрѣпла настолько, что начала понемногу интересоваться окружающею обстановкою, и неоднократно заявляла желаніе какъ можно дольше оставаться на дворѣ, требуя, чтобы ее отвозили отъ дома все дальше и дальше.

Въ одну изъ подобныхъ прогулокъ, горничная Дуня, на которой лежала обязанность катать кресло, предло-

жила Вѣрочкѣ доѣхать до сосѣдняго лѣса, сказавъ, что въ глубинѣ его находится очень красивый домикъ лѣсничаго, который имѣетъ большой огородъ, гдѣ растутъ очень много ягодъ.

— Пожалуй, — согласилась Вѣрочка:—я не прочь взглянуть на его домикъ, если тебѣ не будетъ затруднительно такъ далеко катить меня.

— О, барышня. нисколько,—возразила Дуня.

— Онъ живетъ одинъ?

— Нѣтъ, съ пріемной дочерью.

— Большая она или маленькая?

— Какъ вамъ сказать? Пожалуй, вашихъ лѣтъ будетъ, или немного старше; а какая умница, ежелибъ вы знали, какая ловкая, проворная... одна цѣлымъ домомъ управляетъ, хозяйничаетъ...

— Развѣ у нея нѣтъ матери?

— Можетъ быть и есть, только она ее не знаетъ.

— Какимъ образомъ? я не понимаю, что ты хочешь сказать.

— Ахъ, барышня, это цѣлая исторія, и очень печальная; если вы познакомитесь съ Наташей,—такъ зовутъ эту дѣвочку,—то она когда-нибудь сама вамъ расскажетъ все. Я не знаю подробностей; мнѣ извѣстно только, что Наташа была найдена старымъ лѣсникомъ однажды въ лѣсу зимою, полумертвою отъ холода;

еслибы онъ не сжалился надъ нею и не привелъ къ себѣ, то она навѣрное замерзла бы...

— Бѣдняжка! Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть ее,—воскликнула Вѣрочка, крайне заинтересованная словами горничной, которая во все время разговора продолжала катить поставленное на колеса кресло впередъ и впередъ безостановочно.

— Вотъ и пріѣхали,—сказала она наконецъ, указывая рукою на виднѣвшійся поблизости домикъ съ соломенною крышею.

— Но подъ какимъ предлогомъ мы туда явимся?

— Да просто спросимъ молока или ягодъ.

— Это не покажется неловкимъ?

— Нисколько; туда дачники постоянно заходятъ, Наташа очень охотно подаетъ все, что у нея спрашиваютъ; вы чего бы желали потребовать?

— Ахъ, Дуня, развѣ ты не знаешь, что я не хочу ничего и что мнѣ все противно!

— Вотъ видите, барышня, какія вы! А доктора только и твердятъ, что вамъ надо больше кушать,—отозвалась горничная, взглянувъ съ состраданіемъ на больную.

— Что же дѣлать, если не могу; доставь мнѣ удовольствіе, спроси для себя чего-нибудь, иначе вѣдь дѣйствительно неудобно.

Дуня сначала не хотѣла согласиться, но затѣмъ,

видя настоятельное требованіе Вѣрочки, принуждена была уступить.

Нѣсколько минутъ собесѣдницы подвигались впередъ молча.

— Жаль будетъ, ежели мы не застанемъ Наташу, — заговорила наконецъ Вѣрочка.

— Этого не можетъ случиться, — возразила Дуня.

— Почему?

— Потому что она почти никуда не выходитъ, и, какъ я уже сказала вамъ, цѣлый день исключительно занимается хозяйствомъ; да вотъ постойте, никакъ она легка напоминѣ и сама идетъ сюда.

Изъ-за угла дѣйствительно показалась какая-то дѣвочка, держа въ рукахъ лейку, и очевидно направляясь въ расположенный по близости огородъ, чтобы поливать гряды.

— Это она? — шепотомъ спросила Вѣрочка.

Горничная утвердительно кивнула головой, и затѣмъ, обратившись къ маленькой крестьянкѣ, вѣжливо попросила принести кружку молока и немного ягодъ. Наташа немедленно повиновалась; поставивъ лейку на траву, она сію же минуту побѣжала въ погребъ, откуда живо принесла то и другое.

— Кушайте, барышня, на здоровье, — сказала она Вѣрочкѣ: — молоко самое свѣжее, холодное, а ягоды только часъ тому назадъ собраны съ огорода.

— Благодарю, — отвѣчала Вѣрочка, и молча передала Дунѣ только что принесенное угощенье.

— Вы больны?—продолжала между тѣмъ маленькая крестьянка, ласково взглянувъ на Вѣрочку.

— Да, я была очень больна; теперь мнѣ легче, только слабость еще чувствую и не могу ходить.

— Вы должны больше кушать.

— Въ томъ то и бѣда, что мнѣ все кажется невкусно.

— Какъ жаль! А у насъ такое чудное молоко; выпейте полчашки.

— Нѣтъ, спасибо; пускай за меня выпьетъ Дуня.

— Тогда позвольте принести вамъ хотя козьяго.

— Козьяго? — съ удивленіемъ переспросила Вѣрочка:—развѣ его пьютъ?

— Нѣкоторые даже очень охотно.

— Я никогда не пробовала.

— Попробуйте.

И не дожидая отвѣта, дѣвочка снова пустилась бѣжать по направленію къ погребу, откуда черезъ нѣсколько минутъ вернулась, держа въ рукахъ кружку, наполненную свѣжимъ козьимъ молокомъ.

— Попробуйте,—повторила она:—козье молоко для больныхъ въ особенности полезно.

Вѣрочка нерѣшительно поднесла къ губамъ кружку

и послѣ перваго же сдѣланнаго глотка объявила, что козье молоко ей очень нравится.

— Если бы вы могли приносить къ намъ это молоко каждый день, то моя госпожа была бы вамъ очень благодарна, — съ радостью замѣтила тогда Дуня.

— Съ большимъ удовольствіемъ, — отозвалась Наташа: — у насъ его много.

Вѣрочка, между тѣмъ, съ наслажденіемъ выпила цѣлую кружку, и пробывъ еще съ полчаса около маленькаго домика съ соломенною крышею, очень неохотно отправилась въ обратный путь: ей хотѣлось подольше остаться съ Наташей, она находила ее крайне симпатичною, и кромѣ того нѣсколько разъ собиралась просить рассказать свою печальную исторію; но затѣмъ, пораздумавъ, разсудила весьма основательно, что при первой встрѣчѣ оно можетъ показаться неловкимъ.

— Такъ мы будемъ ожидать молока, — сказала Дуня, прощаясь съ пріемною дочерью лѣсничаго.

— Непремѣнно, — отозвалась послѣдняя. И дѣйствительно, съ наступленіемъ слѣдующаго дня, каждое утро аккуратно являлась на мызу Анны Львовны, чтобы снабжать Вѣрочку козьимъ молокомъ, которое, отличаясь своимъ цѣлебнымъ свойствомъ, по прошествіи самаго непродолжительнаго времени оказало на нашу маленькую больную такое благотворное вліяніе, что она дви-

галась и ходила безъ посторонней помощи совершенно свободно.

Анна Львовна воспрянула духомъ, и, конечно, видя свою дорогую дѣвочку здоровою, считала бы себя совершенно счастливою, еслибы могла допустить возможность счастья при томъ грустномъ настроеніи, въ которомъ находилась, вслѣдствіе тяжелыхъ думъ о невозвратныхъ утратахъ; что же касается Вѣрочки, то она, конечно, чувствовала себя превосходно, не желала ничего лучшаго, и жалѣла объ одномъ, что Наташа постоянно приходила слишкомъ рано, и имъ никакъ не удавалось побесѣдовать; нѣсколько разъ она сама, нарочно съ этой цѣлью отправлялась черезъ лѣсъ въ домикъ лѣсничаго, но тамъ Наташу всегда заставляла настолько занятою разными домашними дѣлами, что о разговорѣ нечего было и думать; а ей такъ хотѣлось узнать печальную исторію маленькой дѣвочки, которой она была обязана спасеніемъ собственной жизни... такъ хотѣлось спросить ее... и въ свою очередь постараться оказать какую-нибудь услугу...

Однажды — это было какъ разъ въ праздничный день — Вѣрочка, съ разрѣшенія матери, отправилась въ домикъ лѣсничаго, рѣшивъ во что бы то ни стало добиться давно желаннаго разговора.

Наташу она застала въ большихъ хлопотахъ: къ ея отцу (какъ она обыкновенно называла старика лѣс-

ничего Михея) вчера издалека прїѣхала сестра, которой Михей чрезвычайно обрадовался и которую онъ не видѣлъ уже болѣе десяти лѣтъ; надо было позаботиться о завтракѣ, объ обѣдѣ.

Гостя съ перваго разу не сдѣлала особенно прїятнаго впечатлѣнія на Наташу, но потомъ, когда она послѣ ужина долго о чемъ то шепотомъ разговаривала съ лѣсничимъ и при этомъ горько плакала — ей стало жаль ее.

— О чемъ же они говорили?—спросила Вѣрочка.

— Не могу сказать, барышня, они говорили такъ тихо, что я ничего не слыхала; только, должно быть, о чемъ-нибудь очень серьезномъ, потому что папа мой сегодня просто на себя непохожъ... и она тоже самое; оба какіе то скучные, растерянные... Смотрятъ на меня такъ странно, точно я въ чемъ виновата передъ ними, или они передо мной...

— А раньше ты не видѣла здѣсь эту женщину?—перебила Вѣрочка.

— Никогда.

— Ты называешь лѣсничаго отцомъ, а я все думала, что онъ приходится тебѣ дѣдушкой...—продолжала Вѣрочка, невольно потупившись при мысли, что наконецъ наступаетъ рѣшительная минута, когда она можетъ приступить къ дѣлу.

— Собственно говоря, онъ мнѣ никакъ не прихо-